

Концепт истины у Данте

В XIII в. Западная Европа переживала «осень средневековья». Всплеск духовной активности, стимулированный переводами на доступную любому грамотному человеку латынь трактатов Аристотеля «Метафизика», «Этика», «О душе» и комментариев к ним Аверроэса (Ибн Рушда), привел к обновлению теолого-философской картины мира. Идущее от Августина порицание научного любопытства (*libido experiendi noscendique*) уступает место культу разума (*ratio, intellectus*). Сама теология рационализируется путем возведения Аристотеля в ранг официального католического философа. В то же время благодаря научной активности аверроистов-натурфилософов (медики Болонского университета, логики-модисты Сигер Брабантский, Боэций Дакийский и др.) философия, как светская наука, получает право на существование, независимое от теологии. В связи с этим понятие истины раздваивается на «истину научную», основанную на опыте и на доказательствах, вытекающих из естественных причин (*per causas naturales*), и «истину теологическую», основанную на вере. Между ними помещаются общие суждения, высказывания авторитетов и врожденные идеи (*vera per se nota*), относительно которых Фома Аквинский задается вопросом, являются ли они также объектом веры (*objectum fidei*).

В сочинениях философов и теологов XIII в. концепт истины и связанные с ним понятия добра, совершенства, красоты, формы и материи, разума и интуиции, знака и означаемого рассматриваются с неодинаковых позиций, восходящих к авторитетным источникам разных эпох. Поэтому наиболее точное определение истины в синхронии может быть получено только при рассмотрении этого концепта в языке какого-либо одного репрезентативного автора рассматриваемой эпохи. Таким автором, замыкающим средневековый культурный горизонт, был Данте — творец литературного итальянского языка, поэт, философ, филолог, политик и пророк, для которого поиски истины были основной творческой и жизненной задачей.

В сочинениях Данте [2] истинностная оценка затрагивает три области:

1) модальную установку к сказанному (*истинно, истинно говорю я вам*), где «истине» (*verità*), имплицитно знающей, противопоставлены, с одной стороны, «ложь» (*menzogna*) и «заблуждение» (*errore*), а с другой — «мнение» и «сомнение» (*opinione, dubbio*);

2) ценностную характеристику содержания «предмета», «вещи» (*res*), т.е. пропозиции или только ее именных актантов, где «истина» относится как к

потенциальным свойствам предметов, так и к их актуализации в индивиде (*настоящий мужчина, истинный артист, праведный суд*).

/58/

Здесь оценка истинности сближается или сливается с интенсификаторами положительных качеств предмета и связана с понятиями цели (*fine*) и совершенства (*perfezione*). Истинности в этом смысле противопоставлены понятия несовершенства и бесцельности, бесполезности;

3) отношение знака к его смыслу (истинный смысл, настоящее значение, правильное понимание или толкование), где предыдущий вариант «истины» осложнен тем, что знак — «вещь» особого рода, имеющая означающее, означаемое и денотат.

Итак, «истина» в текстах Данте семантически членится на *veritas de dicto*, *veritas de re*, *veritas de signo*. Различные смысловые модификации концепта «*veritas*» происходят у Данте также в зависимости от позиции этого концепта во фразе и в тексте, которая предопределяет выбор лексем и их морфологию.

Рассмотрим теперь лексические, синтаксические и текстовые проявления *veritas* во всех трех областях на материале итальянских и латинских сочинений Данте.

I. *Veritas de dicto*. Первичная синтаксическая позиция — эксплицитный модус, вводящий дополнительное придаточное — диктум.

Истинность суждения, замыкающего ряд логических доказательств, представлена безличным модусом *è manifesto* ‘очевидно’ и его развернутыми вариантами, включающими глагол *vedere**: *manifestamente adunque può vedere chi bene considera che...* (Conv., I, I, 6) — «итак, с очевидностью сможет увидеть каждый, кто хорошо посмотрит...» Добытая через логические рассуждения научная истина — предмет восхищения и зависти. Так, в 10-й Песне «Рая» Фома Аквинский представляет Данте Сигера Брабантского как того, кто вывел завидные истины: *silogizzò invidiosi veri* (Par., X, 138). Такое «посмертное признание Фомой заслуг своего идейного противника» было достаточно смелым подтверждением их истинности со стороны Данте.

В позиции модуса чужой речи, вводящего истинностное суждение, находится ссылка на авторитет (Св. Писание, отцы церкви, Аристотель, Цицерон). Такая фраза обычно предвзвешивает цепь последующих рассуждений, см., например, начало «Пира»: *Si come dice lo Filosofo nel principio de la Prima Filosofia, tutti li uomini naturalmente desiderano di sapere* (Conv., I, I). — «Как говорит Философ в начале Первой Философии, все люди по своей природе стремятся к знанию». То, что мнения Аристотеля и его последователей — перипатетиков достойны максимального доверия, Данте считает

необходимым доказать и среди доказательств приводит аргумент почти всеобщего их приятия (Conv., IV, VI, 7).

Между научной истиной и истиной, основанной на всеобщем мнении, доверии к авторитетам и на вере, существует модальное различие: первая, как вывод из ряда силлогизмов, подается категорически; вторая более субъективна и допускает плавный переход от веры к мнению, тем более что оба этих модуса вводятся одним глаголом *credere* 'верить; считать, полагать'. Ср. у Данте: ...*me degno a ciò nè io nè altri crede* (Inf., II, 33) —

---

*Здесь и далее сохранено правописание первоисточников.

/59/

«ни я, ни другие не считают, что я этого достоин»; *a guisa del ver primo che l'uom crede* (Par., II, 45) — «Там то, во что мы верим, станет зримо, / Само понятно без иных мерил; / Так — первоистина неоспорима» (пер. М. Лозинского).

II. *Veritas de re*. Определение этого вида истины имеется в письме XIII (к Кан Гранде), где Данте, приводя формулировку Аристотеля, дает ей собственную интерпретацию; *Sicut dicit Philosophus in secundo Metaphysicorum*, «*sicut res se habet ad esse, sic se habet ad veritatem*», *cuius ratio est quia veritas de re, que in veritate consistit tanquam in subiecto, est similitudo perfecta rei sicut est* (Ep., XIII, 14) — «Как говорит Философ во второй части Метафизики, «как вещь относится к бытию, так же она относится к истине», что означает, что истина о вещи, содержащейся в истине как в своем субъекте, есть совершенное подобие вещи, как она есть».

Обычная форма выражения для «истины о вещи» — прилагательное *vero* или наречие *veramente*, а также их многочисленные синонимы. Основной из них — *perfetto*, входящий в определение истины.

Существительные *verità, il vero* часто находятся на полпути между *veritas de re* и *veritas de dicto* (например, *la presenza restringe lo bene e lo male in ciascuno più che il vero non vuole* (Conv., I, IV, 12) — «Присутствие человека преуменьшает как хорошие, так и дурные его качества больше, чем то соответствует истине». Четкое и устойчивое значение «*veritas de re*» имеют синонимичные существительные *bontade, virtude, nobilitade*, обозначающие высшую степень положительных качеств, которые предназначены для определения полезной человеку цели: *ciascuna cosa è virtuosa in sua natura che fa quello a che ella è ordinata; e quanto meglio lo fa tanto è più virtuosa. Così lo sermone, lo quale è ordinato a manifestare lo concetto umano, è virtuoso quando quello fa, e più virtuoso quello che più lo fa; onde, con*

ciò sia cosa che lo latino molte cose manifesta concepute ne la mente che lo volgare far non può, si come sanno quelli che hanno l'uno e l'altro sermone, più è la virtù sua che quella del volgare (Conv., I, V, 12) — «всякая вещь хороша по своей природе, когда она делает то, к чему она предназначена; и чем лучше она это делает, тем более она хороша... Так и язык, предназначенный для выражения человеческих мыслей, хорош, когда он это делает, и тем более хорош, чем лучше он это делает; поскольку же латынь способна выразить многие мысли, которые нельзя передать на народном языке, ее достоинства выше, чем достоинства итальянского».

Разнообразие названий для оценки предмета по максимальному соответствию образцу объясняется тем, что «достоинства» (*virtù*) различных вещей должны удовлетворять различные потребности (*appetitus*) людей, чувственные и интеллектуальные. При этом совершенная вещь должна удовлетворять потребности максимального количества людей. Если достоинства вещи удовлетворяют лишь избранных или оказываются неостребованными, они имеют несовершенное существование или остаются в потенции — *la bontade in potenza che non è essere perfetta mente* (Conv., I, IX, 6).

/60/

И Данте, после того как он дал высокую (по сравнению с *volgare*) оценку латыни, исходя из ее внутренних качеств — структуры, стабильности, неизменности во времени и в пространстве, обнаруживает ее несовершенство в плане коммуникативном. Кроме того, ее красота — создание искусственное, а не природное свойство. В последних главах «Пира», и особенно в *De Vulgari Eloquentia*, он считает родной *volgare* более благородным, чем латынь, так как *volgare* «*naturalis est nobis, cum illa potius artificialis existat*» (*De V.E.*, I, 1, 4). Многие возможности *volgare*, однако, оставались до Данте скрытыми, например «способность выражать высокие и новые мысли не менее полно и соразмерно, чем латынь» (Conv., I, X, 12). И Данте, движимый любовью к родному *volgare*, пишет свой ученый комментарий к канцонам — «Пир», где обнаруживается величие (*grandezza*) родного языка и его способность *manifestare la conceputa sentenza* (Conv., I, X, 9).

Actio agentis, сообщающая вещи полноту бытия, является «благим деянием» (*vinuosa operazione*), которое наряду с познанием истины составляет «высшее благо» (*summum bonum*), т.е. цель жизни человека. «И тот, кто лишен этого блага, — пишет Боэций Дакийский, — пусть знает, что он несовершенный индивид своего вида и действия его не человеческие» (цит. по [1, 91]). Те же слова Данте вкладывает в уста своего Улиса: *fatti non foste a viver come bruti, ma per seguir virtute e conoscenza* (*Inf.*, XXVI, 119) — «вы созданы не для животной жизни, а для того, чтобы стремиться к доблести и познанию».

Благое деяние (*virtuosa operazione*) имеет целью приносить счастье наибольшему количеству людей. Эта конечная цель, по мысли Данте, может быть достигнута только в условиях единовластия, приносящего всеобщий мир (*paх universalis*), являющийся тем путеводным знаком (*signum prefixum*), к которому сводятся все рассуждения, как к очевиднейшей истине (*tanquam in manifestissimam veritatem*; *Mon.*, I, IV, 6). Идея «истины», таким образом, складывается из почти чувственно воспринимаемого «очаи разума» «путеводного знака» и чисто рациональной «конечной цели». Динамичный характер истины у Данте связан с воспринятой им аверроистской концепцией потенциального интеллекта (*intellectus possibilis*), который проявляется полностью только **в роде человеческом, взятом вместе** (*genus humanum simul sumptum*), и распределяется по индивидам неравномерно. Этот глобальный процесс актуализации интеллекта объединяет людей через их разумные действия, например такие, как создание общего языка *volgare illustre* и всеобщей монархии. В зависимости от их способностей полноценные индивиды предназначены Богом к жизни созерцательной или к жизни активной и в своей деятельности как бы дополняют друг друга. Например, «монарх должен прислушиваться к советам мудреца, чтобы править по справедливости» — *congiungasi la filosofica autoritade con la imperiale, a bene e perfettamenteamente reggere* (*Conv.*, IV, VI, 18).

III. *Veritas de signo*. Данте в трактате «О народном красноречии» определяет знак как двустороннюю единицу, одновременно чувственную и рациональную: *nam sensuale quid est, in quantum sonus est*;

/61/

rationale vero in quantum aliquid significare videtur ad placitum (*De V.E.*, I, III, 3). Философия знака, воспринятая Данте от Аристотеля, Августина (см. [5]) и Исидора Севильского, во многом совпадает с трактовкой знака в современной семиотике (см. [3, 260]), хотя и содержит множество типично средневековых представлений, из которых можно выделить два, так или иначе связанных с античными теориями о происхождении языковых знаков *physei* или *thesei*, т.е. по природе или по договору.

1. Положение Аристотеля о том, что человек не может ничего понять без чувственно воспринимаемых образов — *phantasmata*, называемых Фомой Аквинским также *figurae*, — приобретает в языке отцов церкви гипертрофированные формы. За каждым словом и за каждым предметом тянется шлейф его метафорических смыслов, которые нужно раскрыть с помощью интерпретации. Хорошо известно фигуральное прочтение Ветхого Завета, события и персонажи которого предсказывают события Нового Завета. Возникают тексты, похожие на шарады, как, например, отрывок из рассуждений Августина, приводимый у Ф. Маццони: *p e s a n i m a e recte intelligitur a m o r ; quicum pravus est, vocatur cupiditas aut libido, cum autem*

rectus, dilectio vel charitas (Enarr. in Ps., XII, 3-5) — «нога души» означает на самом деле «любовь»; если любовь несправедлива, она называется «страсть» или «похоть», если она справедлива, то это «привязанность» или «милосердие» [4, 96]. Этой цитатой Ф. Маццони уточняет смысл стиха первой песни «Ада»: *si che'l piè fermo sempre era'l più basso* (Inf., I, 30), где «опора на оставшуюся внизу, т.е. левую, ногу» означает «преобладание в душе идущего низменных видов любви — *cupiditas, libido*, от которых ему нужно было освободиться». Как видно из комментариев Маццони, почти каждое слово первой песни «Ада» была скрытой отсылкой к текстам Священного Писания или к Августину, где можно найти глубинное значение текста Данте. Это глубинное значение метафизично. Ближе к поверхности находятся значения назидательное и моральное. Наконец, буквальное значение тоже имеет право на самостоятельное существование. Сам Данте так объясняет в «Пире» (Conv., II, 1, 1) соотношение этих смысловых слоев: «Следует знать, что текст может быть понят и объяснен самое большее в соответствии с четырьмя смыслами. Один из них называется буквальным (*litterale*). и он не выходит за пределы обманчивых слов (*parole fittizie*), как, например, в сказках поэтов. Другой смысл называется аллегорическим, он скрывается под покровом этих сказок, и это — истина, скрытая под красивой ложью (*è una veritade ascosa sotto bella menzogna*)... я разберу сначала буквальный смысл, а потом перейду к аллегорическому, т.е. к скрытой истине (*la nascosa veritade*)». В письме к Кан Гранде, где разбираются четыре смысла «Божественной Комедии», Данте определяет свое сочинение как многосмысленное (*polisemos, hoc est plurium sensuum*; Ep., XIII, 20) и предназначает его для комментирования, изучения и поучения.

2. Практика парафразы и метафорической зашифровки смысла, существовавшая начиная с поздней античности вплоть до позднего средневековья, парадоксально соседствует у Данте с древним представлением об органической связи имени (знака) и обозначаемой вещи: *nomina sunt*

/62/

consequentia rerum (V.N., XIII, 4). Ради установления причинно-следственной связи между означающим и означаемым Данте в трактате «Пир» решительно отвергает (*è falsissimo che...*) правильную этимологию слова *nobile* — «благородный» как происходящего от *cognoscere* — «знать» и предлагает его произвольное «аналогическое» толкование как *non vile*, т.е. «не низкий» (Conv., IV, XVI, 7).

Наконец, существует и четвертый тип истины, никак не представленный в философских комментариях самого Данте, но присутствующий в его поэтических сочинениях. Это истина художественная, присущая «живому образу», о котором Микельанджело (кстати, большой поклонник Данте) говорит в своем философском сонете: *Negli anni molti e nelle molte prove*

cercando, il saggio al buon concetto arriva d'un'immagine viva... — «После многолетних поисков мудрец приходит к правильному замыслу живого образа...» Воплощение же замысла под силу лишь «истинному артисту (l'ottimo artista), чья рука повинуется интеллекту», — как пишет тот же Микельанджело в другом столь же знаменитом сонете. Такую творческую силу Данте в себе ощущал и называл «неким божественным даром» (*divinum quoddam munus*; Ер., XIII, 47). Подобно Богу, он сотворил живущие по сей день образы. Однако живы они именно благодаря буквальному смыслу слов, из которых они созданы, и содержание этих образов не может быть пересказано в другой форме без ущерба для их истинности. Так то, что Данте называл «красивой ложью», оказалось художественной правдой, и Данте-поэт одержал верх над Данте-философом.

Литература

1. Corti M. Dame a un nuovo crocevia. Firenze, 1981.
2. Dante. Tutte le opere di Dante, Milano, 1965.
3. Eco U. Il problema estetico in Tommaso d'Aquino. 2 ed. Milano, 1982.
4. Mazzoni F. Saggio di un nuovo commemo alla Divina Commedia: Inferno, canti I, II, III. Firenze. 1967.
5. Ruef H. Augustin über Semiotik und Sprache. Bern. 1981.

Принятые сокращения

Conv. — *Dante*. Convivio.

De V.E. — *Dante*. De Vulgari Eloquentia.

Enarr. in Ps. — *Augustinus Aurelius*. Enarratio in Psalmos.

Ер. — *Dante*. Epistole.

Inf. — *Dante*. La Divina Commedia: Inferno.

Mon. — *Dante*. Monarchia,

Par. — *Dante*. La Divina Commedia: Paradiso.

V.N. — *Dante*. Vita Nuova.

Источник: <http://dante-a.com/koncept-istiny-u-dante/0/>